

Говард Филлипс Лавкрафт

Празднество

(The Festival)

*«Efficiut Daemones, ut quae non sunt, sic lumen quasi
sint, conspicienda bominibus exhibeant».*

Lactantiud

Я находился вдалеке от родного дома, у дальних берегов моря, что окончательно околдовало меня. В сумерках я слышал, как его волны накатываются, разбиваясь о камни, и знал, что морская стихия разлилась как раз над холмом, где гибкие ивовые ветви густо переплетались на фоне проясняющегося неба и первых звезд нарождающейся ночи. И так как предки мои призвали меня в этот старинный город, я продолжил свой путь по мягкому, только что выпавшему снегу вдоль дороги, одиноко взмывающей вверх, туда, где Лльдебаран мерцал огнями среди деревьев. Навстречу древнему городу, который я никогда не видел, но о котором столько мечтал.

Был Yuletide, который люди называют Рождеством, хотя в душе знают, что он древнее, чем Вифлеем и Вавилон, древнее, чем Мамфис и все человечество. Был Yuletide, и наконец-то я пришел в этот старый приморский город, где жили мои предки и отмечали этот праздник еще в те далекие времена, когда он был запрещен. Они наставляли своих сыновей отмечать его раз в столетие, чтобы не стерлись в памяти его главные таинства и обряды.

Предки мои были старыми. Они были старыми уже тогда, когда обосновались на этой земле триста лет назад. И были здесь они чужими, эти угрюмые, скрытные люди из южных садов орхидей, и говорили на своем языке, прежде чем выучили язык голубоглазых рыбаков. Теперь судьба разбросала их по свету, и единственное, что объединяло их, так это ритуалы тайн обрядов, никому кроме них неведомых. Я был единственным, кто вернулся той ночью в древний рыбацкий город согласно легенде, которую помнят только бедняки да люди одинокие.

И тут за гребнем холма я увидел Кингспорт, простиравшийся невдалеке в морозных сумерках. Заснеженный Кингспорт со старинными флюгерами и шпилями, цилиндрами каменных труб, причалами и небольшими мостами, ивами и кладбищами; бесконечными лабиринтами крутых, узких, извивающихся улочек и головокружительной высотой центральным холмом, чью вершину венчала церковь, которая оказалась неподвластна разрушительной силе времени; непрерывным лабиринтом домов колониального стиля, то сбившихся в кучу, то разбросанных там и сям, словно оставленные в беспорядке детские кубики. Глубокая старина коснулась своими седыми крылами убеленных зимой фронтонов и двускатных крыш, веерообразные окна над дверями — и небольшие оконца в домах один за другим начинали мерцать в холодных сумерках, стремясь донести свет до Ориона и старых, как мир, звезд. Морские волны с гневным шумом разбивались о причал, Древнее, не раскрывающее своих тайн море, из которого в незапамятные времена ступили на эту землю люди.

Рядом с дорогой, на самом высоком месте, лишенном растительности и продуваемом всеми ветрами, я увидел место захоронения, где черные надгробные камни омерзительно торчали из-под снега, будто обломанные ногти гигантского трупа. Занесенная снегом дорога была совершенно пустынна. Иногда мне казалось, будто я слышу издали доносящееся поскрипывание, напоминающее скрип виселицы на ветру. В 1692 году за колдовство повесили четырех моих родственников, но я не знал, где именно.

Когда дорога, петляя, стала спускаться по склону в направлении моря, я стал прислушиваться к веселым вечерним деревенским звукам, но не слышал их. Потом я вспомнил о времени года и понял, что у этих старых пуритан могут быть совсем иные рождественские традиции, наполненные тихими молитвами у семейного очага. А поняв все это, перестал вслушиваться или искать случайных прохожих. Я продолжал свой путь мимо тихих освещенных домов и мрачных каменных стен туда, где покачивались на пронизывающем соленом ветру вывески старинных магазинов и таверн, где причудливые дверные кольца тускло поблескивали на фоне немощеных улочек, отражая свет небольших, зашторенных окошек.

Я знакомился с картами этого города и знал, где найти дом предков.

Меня заверили, что я буду признан и тепло встречен, так как деревенские легенды живут долго. Поэтому я поспешил через Бэк-Стрит в Секл-Корт и по свежему снегу, выпавшему на единственный в городе мощный тротуар, — туда, где Грин-Лейн ведет за Маркет-Хаус. Старые карты не солгали, и я не испытал затруднений, хотя не везде они были точны. Например, когда указывали, что в Аркхэме есть трамвайная линия, — то проводов я так и не увидел. А рельсы в любом случае мог укрыть снег. Я был рад, что иду пешком, так как окутанное белоснежным покрывалом селение выглядело очень живописно с высоты холма. Я горел нетерпением постучать в дом своих предков, седьмой дом слева на Грин-Лейн со старинной островерхой крышей и выступающим вторым этажом, построенный до 1650 года.

Дом был освещен изнутри, когда я приблизился к нему. Поток света, льющийся из ромбовидных окон, позволил мне рассмотреть, что дом почти не изменил своего первоначального вида. Верхняя его часть нависала над узкой, зарастающей травой улочкой, чуть не сталкиваясь с выступающим верхним этажом дома напротив, так что я оказался словно в туннеле с низкими каменными ступеньками крыльца, очищенными от снега. Пешеходных дорожек не было, но во многих домах двери были подняты высоко над землей. К ним вели лестницы из двух пролетов с железными поручнями. Странно все это выглядело, но в Новой Англии для меня все было непривычно. Ведь я никогда не бывал здесь прежде. И хотя вид городка был приятен моему глазу, я получил бы большее удовольствие, если бы увидел следы на снегу, прохожих на улице или хотя бы несколько незашторенных окон.

Когда я постучал в дверь старинным железным кольцом, то немного испугался. Какая-то тревога вселилась в мое сердце. Возможно, из-за того, что мне странно было ощущать свою принадлежность к этому дому. Или холод и унылость вечера внесли в это свою лепту? Или непривычная для меня тишина в этом старом городе с любопытными традициями была тому виной? А когда на мой стук ответили, я совсем перепугался,

потому что не слышал никаких шагов перед тем, как со скрипом отворилась дверь. Но страх мой был недолгим, так как у человека, стоящего в дверном проеме в халате и домашних тапочках, было приветливое, вежливое лицо, которое подействовало на меня успокаивающе. И хотя он дал мне понять, что не говорит, он начертил причудливое древнее приветствие острой палочкой на вощенной дощечке, которую держал в руках.

Он пригласил меня войти в низкую, освещенную свечой комнатку с темной массивной мебелью семнадцатого века. Прошлое было живо здесь со всеми его атрибутами: похожий на пещеру очаг, прялка, над которой склонилась старуха в просторном платье и головном уборе. Она сидела спиной ко мне и молча пряла, несмотря на праздничный день. В комнате пахло сыростью, и я удивился, что очаг не был разожжен. Деревянная скамья с высокой спинкой была обращена к окнам, на которых висели занавески.

По-моему, на скамейке кто-то сидел, хотя я не был уверен в этом. Мне все здесь нравилось, и опять страх накатывался на меня, как прежде. Страх этот становился все сильнее. И причиной тому служило то, что поначалу, казалось, действовало на меня успокаивающе, так как чем больше я всматривался в приветливое лицо старика, тем больше эта приветливость внушала мне неприятное чувство. Глаза его были неподвижны, а кожа слишком напоминала воск. В конце концов, я пришел к мысли, что это вовсе не лицо, а дьявольски хитрая маска. Но дряблые руки продолжали радушно выводить слова на дощечке, прося подождать, пока меня не проводят до места празднества.

Указав на стул около стола со стопкой книг, старик вышел из комнаты.

Опустившись на стул, я увидел, что книги были древними. Среди них устаревшая «Чудеса науки» Морристера, ужасная «Saducismus Triumphatus» Джорзсфа Гленвила, изданная в 1681 году, шокирующая «Daemonolatreia» Румигиуса, напечатанная в Лионе в 1595 году, и совсем никуда не годная, нигде не упоминаемая «Necronomicon» сумасшедшего араба Абдула Алхазреда в запрещенном переводе на латинский Олауса Вормиуса — книга, которую мне не довелось видеть ранее, но о которой я слышал страшные вещи, произносимые шепотом. Никто не разговаривал со мной, и я мог слышать поскрипывание вывесок на улице на ветру, жужжание прялки, за которой старуха в головном уборе продолжала свою бесконечную работу. И сама комната, и книги, и люди в ней были отвратительны и вызывали во мне беспричинную тревогу, но так как древняя традиция моих предков призвала меня в это место, я решил — будь что будет. Я попытался читать и вскоре, трепеща от волнения, почувствовал, что увлекся этой проклятой «Necronomicon»; суть ее была настолько ужасной, что не укладывалась в рамки здравого смысла и понимания, она вызвала у меня откровенную неприязнь.

И тут мне показалось, что я услышал, как закрылось одно из окон, к которому была повернута деревянная скамья, будто окно украдкой открывали.

Казалось, этот звук следует, за жужжанием, которое уже никак не относилось к старухиной работе. Хотя это длилось совсем недолго, и старуха усердно пряла, и били старинные часы. Потом я потерял ощущение времени и того, что на скамейке кто-то сидел. Я внимательно читал, содрогаясь от прочитанного, когда вернулся старик, обутый и одетый в просторную накидку, и опустился на ту самую скамью, так что я уже не мог его

видеть. Ожидание и в самом деле было очень нервным, и богохульная книга, которую я держал в руках, лишь усиливала это ощущение. Однако, когда пробило одиннадцать, старик поднялся, бесшумно подошел к массивному резному комоду и вынул из ящика два плаща с капюшонами, один из которых надел на себя, а другим укутал старуху, оставившую наконец-то свою прялку. Потом они оба направились к двери: старуха — запинаясь и еле передвигая ноги; а старик, взяв у меня из рук книгу, которую я читал, поманил меня рукой и натянул капюшон на свое лицо.

Мы вышли на безлунные, извилисто переплетенные улочки этого невероятно древнего города. Вышли, когда огни в зашторенных окнах гасли один за другим, и созвездие Пса искося поглядывало на толпу одетых в капюшоны и плащи фигур. Фигуры эти в ночной тишине возникали из дверных проемов и вливались в причудливую процессию, потянувшуюся вверх по улице мимо поскрипывающих на ветру вывесок, допотопных фронтонов, крытых соломой крыш и ромбовидных оконеч. Они бесшумно плыли мимо вытянувшихся неровным рядом разрушающихся домов, открытых дворов и церковных кладбищ, где качающиеся фонари бросили косые таинственные тени.

В этой безмолвии я следовал за своими немymi спутниками, теснимый локтями, казавшимися противоестественно мягкими, сдавливаемый грудными клетками и животами, которые казались необыкновенно мясистыми. Но я не видел ни одного лица, не услышал ни одного слова. Выше, выше, выше ползли внушающие суеверный страх колонны, и я увидел, что все они устремились к одной точке — в центре города, где на высоком холме взгромоздилась огромная белая церковь. Я видел ее с гребня дороги, когда смотрел на Кингспорт в нарождающихся сумерках. Это зрелище заставило меня содрогнуться, ибо казалось, будто Альдебаран балансирует на призрачном острие.

Вокруг церкви открывалось пространство, частично образуемое церковным кладбищем с причудливыми обелисками, частично — наполовину мощенной площадью, продуваемой всеми ветрами. Вокруг нее выстроились в ряд отвратительно ветхие дома с остроконечными крышами, нависающими фронтонами. Пламя свечей танцевало над входом в склепы, открывая печальный вид, но странным образом не отбрасывая никаких теней. За кладбищем, там, где не было домов, с вершины холма можно было наблюдать мерцание звезд над причалом, хотя сам город был не видимым в темноте.

Время от времени лампа с ужасающим стуком раскачивалась на ветру на кривой улочке, стараясь охватить своим светом толпу, беззвучно вливающуюся в церковь. Я подождал, пока все это скопище людей не исчезло в темном дверном проеме. Старик тянул меня за рукав, но я решился войти туда последним. Переступая порог и окунаясь в неизведанную тьму, в которой кишел народ, я оглянулся, чтобы еще раз убедиться в существовании мира, оставшегося снаружи, и увидеть, как свечение кладбищенских огней роняет тусклый отблеск на дорожку, ведущую к вершине холма. Бросив этот прощальный взгляд, я несказанно удивился. Так как, хотя ветер и сдул почти весь снег, на дорожке около двери он все-таки сохранился; и при том мимолетном и запоздалом движении моих встревоженных глаз мне почудилось, будто на нем не отпечатались никаких следов, в том числе и моих.

Внутри церковь едва была освещена теми лампами, которые люди принесли с собой, основная масса их уже растаяла в темноте. Они устремились по проходу между скамьями

с высокими спинками к впускной двери в подземную часовню прямо перед кафедрой. Дверь была открыта, отвратительно зияя пустотой, и вся процессия двинулась сквозь нее. Не говоря ни слова, я последовал вниз по истертým ступеням в этот темный и душный склеп. Конец этого маршрута ночных паломников казался ужасающим, и когда я увидел их, медленно пробирающихся в освященный веками склеп, они вселили в меня еще больший трепет. Потом в полу склепа я заметил отверстие, куда, как в воронку, плавно устремилась толпа, и вскоре мы уже спускались вниз по зловещей лестнице из грубо обтесанного камня; узкая спиральная лестница, влажная и источающая особый запах, уходила вниз, во внутреннюю часть холма, мимо унылых стен из каменных плит, по которым стекала вода, и осыпающегося известкового раствора. Это было безмолвное и ужасающее нисхождение в преисподнюю, и через некоторое время я заметил, что стены и ступени изменили свой вид, будто были высечены из цельного камня. Но что меня главным образом тревожило, так это то, что поступь огромной массы людей была совершенно бесшумной и не рождала никаких звуков. После целой вечности спуска я увидел несколько боковых ходов, похожих на норы и ведущих из неизведанной тьмы в самый центр темного, как ночь, таинства. Вскоре их стало чрезмерно много, будто это было нечестивое подземное кладбище, и острый запах, исходящий оттуда, становился совсем невыносимым. Я чувствовал, что мы, должно быть, прошли через всю гору и находились под землей самого Кингспорта, я меня ужаснула мысль, что этот древний город, изрытый подземными лабиринтами, словно изъеденное червями яблоко, такой старый и грешный.

Потом я увидел мертвенно-бледное мерцание света и услышал тихий плеск никогда не видевших солнца вод. И вновь я содрогнулся, потому что не любил тьму и горько сожалел о том, что мои праотцы призвали меня на этот главный обряд. Когда ступеньки и проход стали шире, я услышал еще один звук тонкий, издевательски завывающий, слабый звук флейты. И неожиданно передо мной возник вид безграничного подземного мира — обширный губчатый берег, освещенный столбом зеленоватого пламени и омываемый широкой маслянистой рекой, которая жутко и неожиданно врвалась на простор, чтобы вливаться в темную бездну вечного океана.

Теряя сознание и тяжело дыша, я смотрел на этот грешный Эреб гигантских поганок, прокаженного огня и вязкой илистой воды и видел закутанные в плащи толпы, образующие полукружие вокруг столба яркого пламени. Это и был святочный обряд, древнее, чем сам человек, и предназначенный судьбой пережить его; главный обряд солнцестояния и обещания весны, несмотря на снежные покровы; обряд огня и вечной зелени, света и музыки. И в мрачной пещере я увидел, как они совершают обряд и поклоняются бледному пламени, и бросают в воду свои беды и несчастья — пригоршни вязкой и тянущейся растительности, которая поражала великолепием своей зелени при ярком и ослепительном солнечном свете. Я видел это и видел, как некто, припав к земле поодаль от огня, отвратительно скулил на флейте; и когда это нечто скулило на флейте, мне казалось, что я слышу гибельное приглушенное дрожание в зловонной тьме, где я ничего не мог рассмотреть. Но что меня больше всего испугало, так это огненный столб; извергаясь неистово из непостижимых глубин, он не отбрасывал теней, как это бывает в обычных случаях, а покрывал азотистые камни отвратительной, ядовитой ярью-медянкой. Ибо во всем этом бурлящем горении не было тепла, а только липкость смерти и разложения.

Старик, который привел меня сюда, теперь приблизился к этому жуткому столбу и совершал строгие ритуальные действия, стоя лицом к полукругу. В определенные моменты сидящие в полукруге почтительно простирались ниц, особенно, когда он поднимал над головой эту гнусную «Necronomicon», которую он прихватил с собой. И я почтительно кланялся вместе с ними, потому что был призван на это празднество по древним и незыблемым установлениям. Потом старик подал сигнал почти невидимому игроку на флейте, и ее приглушенный звук стал чуть громче и в другой тональности, вызывая при этом невообразимое омерзение. Испытав это омерзение, я чуть не упал на покрытую лишайником землю, пораженную страхом не за этот или другой мир, а только за сумасшедшее пространство между звездами.

Откуда-то из гущи толпы, нависшей над омертвелым сиянием холодного пламени адской преисподней, откуда неслышно несла свои жуткие воды маслянистая река, раздавался ритмически повторяющийся звук хлопающих крыльев. Это приближались укрощенные и выученные существа-гибриды, которых трудно представить глазу нормального человека и невозможно охватить здравым умом. То были не вороны, не кроты, не канюки, не муравьи и не летучие мыши-вампиры. То были и не человеческие существа, но нечто, что я не могу и не должен вспоминать. Этот мягкий хлопающий звук частично издавали их лапчатые ноги, частично — перепончатые крылья. Когда они подлетели к участникам этой фантастической церемонии, накрытые капюшонами молящиеся схватили их, взобрались верхом и улетели один за другим вдоль просторов этой тускло освещенной реки в преисподнюю, за горизонт.

Старуха прядильщица исчезла вместе со всеми, а старик остался только потому, что я отказался, когда он дал мне понять, как надо ухватиться за летающее существо, чтобы оно не сопротивлялось. Когда я с трудом поднялся на ноги, то увидел, что флейтист, которого я так и не рассмотрел, исчез из поля зрения, но двое существ-гибридов терпеливо стояли рядом. Видя мою нерешительность, старик достал свою воцаную дощечку с остроконечной палочкой и написал, что он был истинным представителем воли моих праотцов, которые создали этот святочный обряд, и что мое возвращение сюда было предопределено и главные таинства еще впереди. Он писал все это старинной вязью, и когда я все еще колебался, он вытащил из просторной одежды кольцо с печатью и часы, принадлежавшие моей семье, чтобы подтвердить сказанное и доказать, что он тот, за кого себя выдает. Но это было жуткое доказательство, потому что я знал из старых бумаг, что те часы были захоронены вместе с моим прапрапрапрадедушкой в 1698 году.

Тогда старик стянул с себя капюшон, желая подчеркнуть сходство во внешности, но я только содрогнулся от ужаса, потому что был уверен, что лицо его являлось не более, чем дьявольской маской. Хлопающие крыльями существа нетерпеливо скреблись о лишайник, и я заметил, что старик сам был неспокоен. И когда одно из существ стало вразвалку отходить в сторону, он быстро повернулся, чтобы остановить его; так что резкое движение сместило восковую маску с того; что должно было быть его головой. И затем, из-за кошмарного положения, — путь к каменной лестнице, по которой мы сюда спускались, был прегражден, — я бросился в маслянистую подземную реку, несущую свои воды в морские пещеры и в этот момент покрывшуюся кровавыми пузырями. Я бросился в этот глинистый поток миазмов, скопившихся под землей, прежде чем мои

безумные крики навлекли на меня легионы погребенных, которых эти подземные пещеры могли таить в своих глубинах.

В больнице мне сказали, что меня обнаружили на рассвете у причала Кингспорта. Я наполовину замерз и цеплялся за плывущую балку, которую случай послал, чтобы спасти меня. Мне объяснили, что ночью я свернул с дороги не в ту сторону и упал с крутого обрыва в Орандж-Пойнт, — они пришли к такому заключению, судя по следам, оставленным на снегу. Мне нечего было ответить, потому что все это было неправдой. Все было неправдой: эти широкие окна, за которыми простиралось море крыш, среди которых только одна пятая часть были древними, и шум троллейбусов и машин по улице внизу. Они настаивали на том, что это был Кингспорт, и я не мог с ними спорить. Когда я начал бредить, услышав, что больница находится у старого церковного кладбища на центральном холме, меня отправили в Аркхэм, в госпиталь святой Марии, где за мной могли бы лучше ухаживать.

Там мне понравилось, так как доктора были людьми с широким кругозором и даже воспользовались своим влиянием, чтобы получить для меня тщательно скрываемую от посторонних глаз копию предосудительной «Necronomicon» Алхазреда из библиотеки Мискатонийского университета. Они сказали что-то «о душевном расстройстве» и согласились, что лучше мне избавиться от тревожащих меня навязчивых идей.

Итак, я прочитал ту ужасную главу и содрогнулся вдвойне, потому что она не была для меня новой. Я видел ее прежде, о чем не говорили следы моих ног; и видел в том месте, о котором лучше всего забыть. В бессонные часы со мной не была никого, кто мог бы напомнить мне об этом; но мои сны трепещут ужасом из-за фраз, которые я не решаюсь процитировать. Но один параграф я все-таки осмелюсь дать, переведя его, как сумею, на английский с вульгарной латыни: «Пещеры в преисподней, — писал безумный араб Абдул Алхазред, — непостижимы для тех глаз, которые видят, так как их чудеса необычны и ужасны. Проклята земля, где мысли мертвых приобретают новую жизнь и причудливым образом воплощаются в плоть. Порочна та мысль, что живет сама по себе. Мудро сказал Ибн Шакабао, что счастлив тот склеп, где нет колдуна, и счастлив ночью тот город, в котором все колдуны превратились в прах. Старая молва гласит, что тот червь — кто гложет; из гниения рождается ужасная жизнь, и существа, питающиеся отбросами земли, становятся чудовищными и насылают на нас бедствия. Огромные отверстия тайно прокапываются там, где должно быть достаточно пористого пространства. И учатся ходить существа, которым надлежит ползать».

Перевод: А. Сырова

1993 год